

Николай Коляда — плодовитый уральский драматург, главный редактор литературного журнала «Урал» — одна из одиозных фигур культурной жизни Урала. Автор 86 пьес, руководитель своего «Коляда-театра», он то и дело эпатирует и тербит дремлющую общественность — успехом, громкими марафонами против наркомании, аукционами своих пьес, год от года растущей армией учеников.

Главная же черта Николая Коляды при всей неоднозначности его высказываний — готовность помогать. О простых технологиях человеческой помощи и о себе, любимом, Николай Коляда рассказал «Новой газете» накануне фестиваля «Новая драма», в котором участвуют его ученики.

— Николай Владимирович, есть мнение, что на своем драматургическом семинаре вы растите гениев поточным способом, это ваше ноу-хау. В чем секрет вашего производства?

— Я не выращиваю гениев. Я не читаю лекций, не учу, как надо писать пьесы. Я пытаюсь только поправить мировоззрение. И при этом привить такую же любовь к театру, которую испытываю сам. У меня, кроме театра, в жизни нет ничего.

— Ну еще вы возглавляете толстый литературный журнал «Урал». За пять лет своего редакторства подняли тираж в десять раз.

— Да, тираж я поднял — с 250 до 3300 экземпляров. Объем журнала за эти годы увеличился на 64 полосы. Пять лет назад пришли ко мне домой, сказали: «Помоги, пожалуйста, журнал гибнет. У тебя есть имя, способность рекламировать, поднимать, спаси нас». Я пришел и спас. Деньги, выделенные правительством Свердловской области, пошли на развитие журнала — компьютеры, ксероксы. Гонорар за печатный лист по-прежнему составляет 800 рублей. Себестоимость каждого номера — 70 рублей, подписка на полгода стоит 120 рублей. Но о театре, конечно, я думаю больше.

У меня теперь новая огромная забота — свой «Коляда-театр». 28 апреля этого года мне позвонила директор молодежного центра поэзии и сказала, что есть задолженность по аренде за 4 месяца, отключен свет и что их затопило. Просила о помощи.

У меня была заначка — 6 тысяч долларов на похороны. Я заплатил 80 тысяч рублей за аренду и начал ремонт. Бросил клич среди екатеринбургских журналистов: «Вы столько денег на мне заработали — приходите, помогайте». Журналисты приехали, мыли, чистили, убрали, сделали ремонт, повесили наличники. Потому что понимают, что я им еще пригожусь...

Он написал 86 пьес и открыл собственный театр

Занял у своего друга-немца 10 тысяч евро и купил новое световое музыкальное оборудование. «Коляда-театр» открылся 2 августа спектаклем для детского дома «Карлсон вернулся». Слава богу, что со мной работают покладистые люди. 500 рублей в месяц у нас — репетиционные, 150 рублей — за спектакль. Я выдаю зарплату вот за этим столом и каждому говорю: «Прости, Серега, прости, Таня, прости, Маша». Мне стыдно выдавать людям эту зарплату. Но — театр на самокооперации.

— И как же вы, актер, красивый мужчина, пошли в драматургию и директоры, которых никто не видит и только бочку на них катят — за глухоту, жадность?

— В 15 лет я приехал в Свердловск из села Пресногорьковка Кустанайской области. Там одно озеро пресное и круглое, вокруг него — жизнь, а второе, через бугорок, — озеро соленое, мертвое. Вся жизнь моя — как эти озера-близнецы.

Поступил сначала в театральное училище, потом в театр драмы. Ушел в армию, когда вернулся — выпал из репертуара и начал сильно выпивать. Меня выгнали из театра за пьянство. И так получилось, что я в том же году поехал в Литинститут и поступил на курс к Вячеславу Максимовичу Шутаеву, царство ему небесное, на отделение прозы. Он очень смеялся над моими пьесами до тех пор, пока на третьем курсе я не написал пьесу «Играем в фанты», ко-

Продавец своих черновиков

Николай КОЛЯДА:

«Работать в театре и быть скромным — невозможно»

лангливий!». Вы скромный человек, Николай Владимирович?

— Нет, конечно. Работать в театре и быть скромным — это невозможно. Скромность — прямой путь в неизвестность. Что же делать — на бумаге не видно моей полуулыбки.

— В чем принципиальная особенность созданной вами уральской школы драматургии?

— Раз в субботу мы собираемся. По семь часов сидим. Учю их, что хорошо, что плохо. Я даю им шанс — общаюсь с группой ровесников и со мной. Я им говорю: «Вы будете ходить на все репетиции, видеть, как актеры читают вашу пьесу, как она растет и наливается кровью. Пройдите этот путь один раз вместе со мной и актерами — и вы очень много поймете в театре».

Еще я говорю своим ученикам: «Если вы напишете хоть что-то, подобное фразе Бланш Дюбуа из «Трамвая «Желание»: «Я всю жизнь зависела от доброты первого встречного человека», — вам памятник поставят при жизни».

— Что вы везете на фестиваль «Новая драма»?

— Везем спектакль «Клаустрофобия». Декорацию не везем; реквизит вот сейчас пере-

писывали: цветы, снег, наручники, банки из-под сгущенки, подзоры, фонарь, нож, майка, трусы, пиджак, крыса. Хотя крысу лучше в Питере на рынке за сорок рублей купить.

Хочу, чтобы артисты показали — есть просто грандиозная работа Сергея Колесова. А про себя я знаю, что опять подставляюсь, — навтыкают, что и режиссура не та, что непрофессионально, хорошо хоть пьеса не моя.

— Что за аукцион вы проводите?

— Для заработка решил продавать с молотка черновики своих пьес. Стартовая цена — 5 тысяч рублей. Жалко продавать, конечно. Но я актера подсажу, он крикнет цену — пьеса останется с нами, а пиар хороший.

Еще я придумал за деньги рассказывать все те байки, что травлю журналистам да по библиотекам, когда за журнал «Урал» агитирую. Назвал проект «Чай-театр. Николай Коляда рассказывает...». Все билеты по 50 рублей разлетелись со свистом. У нас 50 мест — значит, 2500 дохода. Зарплату кому-то заплачу.

Я тут пригласил на спектакль «Птица Феникс» главу ад-

министрации области, других шишек. Они пришли — красивые, разодетые, равнодушные до безобразия. Им дико понравилось. Уходят, приговаривают: «Как все чистенько, по-домашнему, по-человечески...». Я говорю: «Пойдемте за кулисы!» А там — актерские примерки, сырость, страшная, все разломано. Я: «Помогите чем-нибудь». А они: «Ну что вы, только в таких условиях и можно заниматься творчеством!»...

Им наплевать, что в «Птице Феникс» — выдающаяся работа Володи Кабалкина (когда-то у Анатолия Праудина он сыграл Иуду Искариота еще в глухие советские годы).

— Вы довольны своей жизнью?

— Я очень счастливый человек. У меня есть свое дело,

Он говорит актерам: «Прости...», когда выдает им зарплату

свой театр. Могу тут сам помыть полы, рассадить зрителей. И я говорю каждый день своим сотрудникам: «Спасибо, что вы мне помогаете в этой афере».

Вот у нас в спектакле «Птица Феникс» используется уголь — артисты мажутся честно, и никто не говорит: «Коль, давай поменьше угля или не будем мажаться совсем». Нет души, нет никакой воды, они ставят тапки и моются по очереди. Мажаются — так уж мажутся: на всю. Я счастливый человек. Мне только надо поскорее выплатить зарплату актерам. Вот так.

— Хотите ли вы сейчас обратно в андроповский 83-й? Пойдет ли на пользу культуре (театру) закручивание гаек?

— Владимир Набоков сказал однажды, что он «не заметил главного события XX века — Великой Октябрьской социалистической революции в 17-м году, так как был в это время влюблен». Я тоже ничего плохого в 83-м не помню, мне тогда было хорошо, я был молодой и влюбленный. А про закручивание гаек — ясный перец, на пользу никому это не пойдет, но я думаю, этого не получится, во-первых; а во-вторых, если вспоминать того же Набокова, то можно повторить вслед за ним: «Благословенна земля эта, Россия, где господствует прекраснейший из всех законов человечества — выживание слабейшего. Не сильнейшего, а слабейшего». Так что, что бы ни происходило, я думаю, мы выживем, потому что мы — слабые и потому — непотопляемые.

— Способны ли нас защитить силовики во власти?

— Нет. Нет, да и всё. Это уже всем понятно.

— Если вам назначат губернатора, какова будет реакция города и региона на ошибочные решения кремлевского назначения?

— Никакая. Все будут молчать, потому что так Москва сделала, а Москву в провинции привыкли слушать, выполнять тупо то, что она говорит и делает.

И Москва это знает, потому что делает что хочет.

● Екатерина ВАСЕНИНА
Екатеринбург—Москва

КОЛЯДА-ТЕАТР